

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Тимофеева Ивана Сергеевича на тему
«Становление латинской атомистической терминологии философии
эпикуреизма (на материале поэмы Лукреция)» по специальности
10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая
филология»

Диссертация И.С. Тимофеева посвящена трудной, вызывающей постоянный интерес ученых теме – истоки философской терминологии Лукреция. Несмотря на существование ряда работ о языке Лукреция и исследований отдельных терминов, общие принципы, которыми руководствовался Лукреций при создании эквивалентов греческих терминов, а также изучение его терминологии в систематическом виде остаются актуальными задачами науки. Это направление исследований важно как для углубленного понимания художественного метода римского поэта, так и для изучения его отношения к его греческим предшественникам – его философскому первоисточнику, сочинению Эпикура «О природе», и его основному предшественнику в жанре философской поэмы, Эмпедоклу. Надо заметить, что недостаточно исследована и техника перевода греческой философской терминологии Цицерона, который работал позже Лукреция и мог в той или иной степени учитывать опыт своего предшественника. Работа И.С. Тимофеева, в которой изучено несколько групп терминов Лукреция, служит таким образом, одним из важных шагов в решении масштабной филологической задачи – изучении истории создания латинской философской терминологии.

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и нескольких приложений.

Во Введении дается оценка результатов изучения терминологии Лукреция, определяются цели и задачи диссертации, обосновывается ракурс изучения проблемы и методология исследования.

В первой главе рассматриваются предшественники Лукреция в жанре дидактической, в первую очередь философской, поэмы, а также в пропаганде эпикурейского учения в Риме. Здесь верно обозначена поэма Эмпедокла как оказавшая наибольшее влияние на Лукреция, но стоило бы высказаться определеннее о том, какой характер носило это влияние – оно относится к отдельным реминисценциям, к технике использования аналогий, к наставительным обращениям к адресату поэмы, а в какой-то мере и к приемам перифрастического обозначения философских понятий, о чем автор диссертации верно говорит в дальнейшем. Напротив, соображения о влиянии на Лукреция Менипповых сатир Варрона требовало бы более серьезной аргументации, основанной на сопоставлении текстов.

В этой же главе автор исследования обращается к старой проблеме – использование Лукрецием поэтической формы для изложения эпикурейского учения, несмотря на низкую оценку поэзии, включая и дидактическую, самим Эпикуром, который рассматривал художественную литературу с утилитарно-этических позиций, не придавая значение художественной форме и принимая во внимание только полезность содержания в плане философского наставления. Здесь высказан ряд соображений, видимо, ведущих в верном направлении – смягчение позиции Эпикура у более поздних эпикурейцев, в частности, у Филодема, который сам писал стихи, а также взгляд самого Лукреция на поэтическую форму как подобие меда, облегчающего принятия горького снадобья философской истины. Для более углубленного изучения взглядов самого Эпикура и его последователей можно порекомендовать новейшую монографию – M. McOsker. *The Good Poem According to Philodemus*. Oxford 2021, в которой анализируются эти взгляды, за исключением самого Лукреция.

Я бы добавил к этому необычность задачи, которую поставил перед собой Лукреций – он стремился не просто к популяризации учения Эпикура в Риме, но к адаптации его главного труда, восприятие которого было затруднительно не только для римской, но и греческой аудитории, из-за технического языка, небрежного стиля, избытка полемики и т.д. Существовали автоэпитомы этого сочинения, очевидно, не удовлетворившие Лукреция: для его дарования конгениальным оказалось творческое воссоздание мысли Эпикура в поэтической форме, позволявшей передать другим тот восторг постижения истины, который он испытывал при чтении его труда (см. III, 14-30), вряд ли вызывавшего сходные чувства у многих читателей. Отдельные высказывания Эпикура о поэзии, не представлявшие собой какой-то глубоко обоснованной позиции, вряд ли могли остановить Лукреция, а требование от поэзии философской полезности скорее могло даже вдохновить его.

Вопрос о широте предполагаемой аудитории Лукреция трудно решить определенно, но степень его популярности не стоит преувеличивать: появление первой строки поэмы в помпейской надписи еще не означает, что Лукреций был школьным автором; остатки строк поэмы, которые Кнут Клеве обнаружил в геркуланских папирусах, вызывают сомнения у специалистов (см. D. Butterfield, *The Early Textual History of Lucretius' De rerum natura*. Cambridge, 2013, p. 5-6), но даже если это строки из поэмы, то они просходят из библиотеки, в которой первостепенную роль играла эпикурейская литература.

Особый раздел посвящен передаче понятий «философия» и «философ» в поэме. Здесь верно отмечено, что Лукреций не использует слов *philosophia* и *philosophus* в силу метрических трудностей (*philosophus* встречается в трагедии и комедии, но *philosophia* не употребительно в поэзии вообще). Однако здесь же сказано, что, избегая этих слов, Лукреций, кроме того, следует Эпикуру, который также не пользуется словом *φιλοσοφία*, что не

соответствует действительности: из указателя к изданию Арригетти видно, что это слово встречается в письмах Эпикура и его завещании.

И.С. Тимофеев предполагает, что для передачи понятия «философ» Лукреций использует перифрастическое выражение *repertores doctrinarum* (III, 106), а для понятия «философия» субстантивированным причастием во множественном числе *reperta*. Эта субстантивация в самом деле представляет собой, видимо, новшество Лукреция, однако вряд ли верно видеть в нем соответствие греч. *φιλοσοφία* – вполне возможно, что Лукреций передает так дериваты греческого *εὐρίσκω* (*tá eúrethénta* скорее, чем *eúrĭmata*): во всяком случае этот глагол встречается несколько раз у Эпикура. Не исключено, конечно, что за *reperta* стоит какое-то другое, более нейтральное слово, например, частое у Эпикура *δόγματα*, для которого Лукреций создал более торжественный эквивалент *reperta*. Интересно, что у Цицерона довольно часто встречается аналогичная субстантивация *inventa* в нейтральном значении «философские положения» (*De orat.* I, 84; *Pro Murena* 61, и далее *TheslL VII, 2, 1, p. 160, 1-10*).

Центральное место в этой главе занимает обсуждение тех выражений, которыми Лукреций передает названия четырех первоэлементов, главным образом в первой книге, содержащей критику предшественников Эпикура. И.С. Тимофеев приходит здесь к интересному выводу, что за исключением слова *terra* Лукреций избегает терминологических обозначений других элементов (так, в 1-й книге не встречается *aqua*), пользуясь вместо них перифрастическими выражениями, и следует в этом Эмпедоклу. Автор также отмечает склонность Лукреция к образованию плеонастических выражений, *ardoris natura, aerae aeris* и верно заключает: «Существенным недостатком этих композитов является тот факт, что они носят контекстуальный характер, то есть не обладают универсальностью – силой термина вне данной тематики и словоупотребления их автора».

Во второй главе рассматриваются важнейшие термины атомистики: в вопросе о передаче *ὑλη* как *materies* (это общепhilosophский, а не

атомистический термин) И.С. Тимофеев склоняется к предположению, что эта естественная калька (эти слова обозначают древесину в обоих языках) возникла еще до Лукреция (утверждение, что *ῥύλη* не встречается у Эпикура по меньшей мере неточно – это слово дважды встречается в «Письме к Пифоклу», гл. 93 и 115, которое многими исследователями считается принадлежащим Эпикуру и которое в любом случае представляет собой сокращение части трактата «О природе», а также в папирусных фрагментах самого этого сочинения – разумеется, не в аристотелевском значении противоположности формы, но в более общем – «вещество»). Предполагать, наряду с естественным сближением *materies* – *mater*, также дополнительное обыгрывание Лукрецием созвучия *materies* с *mater terra*, а тем более с *materterra*, «тетка по матери», кажется нам труднодоказуемым и вряд ли что-то дающим. Показано, что Лукреций стремится подчеркнуть терминологическое употребление слова как обозначения «вещества» от более обыденного «древесина», маркируя его выражениями из соответствующей сферы. Раздел содержит также полезный анализ употребления Лукрецием форм I и V склонений этого существительного и других аналогичных разносклоняемых слов.

Большое внимание в этой же главе уделено терминам, обозначающим «атом», который, как известно, Лукреций никогда не называет транслитерацией *atomus*, которая до него встречается у Луцилия: вместо этого он пользуется словом *primordium* (мн.ч.), реже *exordium*, *principium* а также перифрастическими выражениями. Затем столь же тщательному анализу подвергнуты термины, обозначающие второй важнейший принцип атомизма «пустоту». Здесь делается интересный вывод, что в сравнении с *inane* «термин *vacuum* носит вспомогательный характер, в основных пассажах функционируя как прилагательное или что-то переходное между прилагательным и субстантивом.» В выводах к этой главе определены общие принципы терминологического творчества и словоупотребления Лукреция – использование синонимов, наряду с определениями значения, для большей

прозрачности терминов, создание устойчивых синтагм (*primordia rerum*), субстантивация. Лукреций избегает калькирования, используя вместо этого слова обывденного языка со сдвигом их первоначального значения в сторону большей абстрактности или путем калькирования, создавая неологизмы (*clīnamen*). В качестве недостатка названо «использование многозначных слов в общепринятом и философском смыслах в рамках одного контекста, а порой и в одной строке».

Третья глава посвящена психологической терминологии Лукреция – здесь рассмотрено учение Эпикура о двух частях души – центральной и периферийной и составляющих обе части четырех элементах (атомы, сходные с воздухом, огнем, ветром, плюс атомы, не имеющие аналогий в остальной природе); тщательно анализируется передача Лукрецием соответствующих терминов – *anīma* для периферийной части, *anīmus* для разумной. Возможно, стоило уделить больше внимания различиям *anīmus* и *anīma* в латинском языке до Лукреция, где, видимо, отчасти предвосхищено отличие между более интеллектуальным характером *anīmus* и большей связью *anīma* со сферой психики как таковой, жизненным началом, но заметна и взаимозаменяемость двух слов в ряде контекстов.

Подводя итог, можно сказать, что в диссертации И.Сю Тимофеева поставлены и решены важные задачи, относящиеся к изучению философского языка Лукреция, принципов создания им философской терминологии и ее контекстуального использования для достижения тех дидактических и литературных целей, которые поэт понимал как сложное единство. В работе представлены разнообразные методы филологического анализа и историко-философского анализа, учитываются текстологические трудности, метрика и просодия, важное место уделено частотности употребления терминов.

Разумеется, столь обширная и разноплановая работа не лишена некоторых недостатков, ошибок, не вполне обоснованных утверждений. Некоторые из них были уже названы. Встречаются в ней и погрешности

стиля, отдельные опечатки. В работе использована обширная научная литература, издания источников, монографии и статьи на всех основных западноевропейских языках. Рецензент назвал бы ссылки на литературу и приведение некоторых концепций порой излишними – так, например, взгляды Бруно Снелля на архаическое восприятие человеческого тела спорны и вряд ли помогают при решении конкретных задач исследования. Напротив, не использованы некоторые важнейшие издания текстов – например, наиболее полное на сегодняшний день, хотя и уже сильно устаревшее собрание текстов Эпикура, Г. Арригетти, включающее папирусные фрагменты, в котором имеются указатели, важные для изучения терминологии; не учтены лексикографические труды: посмертно изданный глоссарий Узенера к текстам Эпикура и эпикурейской школы, индекс Фойса к сочинениям Филодема. Удивляет также отсутствие ссылок на Тезаурус латинского языка. Можно также порекомендовать больше внимания к важной книге Дэвида Седли о сочинении Эпикура «О природе» как единственном философском источнике поэмы Лукреция (автор диссертации цитирует статью Седли о философской терминологии Лукреция, но интересно было бы знать, что он думает о его оценке переводческих методов Лукреция в сравнении с Цицероном).

Разумеется, все указанные замечания имеют частный характер, не обязательно бесспорны и отнюдь не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Иван Сергеевич Тимофеев заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
профессор кафедры классической филологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Верлинский Александр Леонардович

подпись

Дата подписания

15.09.2022

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10. 02. 14 — «Классическая филология, византийская и новогреческая
филология»

Адрес места работы: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская
набережная, д. 11

Рабочий e-mail, рабочий телефон: a.verlinskij@spbu.ru +7 (812) 324-12-70

Подпись сотрудника

удостоверяю:

15.09.2022